

устава XVI в. под 25 июня говорится просто „благоверный князь Петр и княгиня Феврония муромские чудотворцы“.¹ В окружной грамоте 1547 г. митрополита Макария читаем: „Пети и праздновати в Муроме ж и повсюду, июня в 25 день, новым чудотворцем благоверному князю Петру и княгине Февронии Муромским“.² В „Уставе церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе“, составленном около 1634 г., под 25 июня говорится: „Память благоверному князю Петру и княгине Февронии, муромским чудотворцем; благовесть в лебедь, трезвон средней, а пети вкупе со отданием Предтечевым, точию им поем величание“.³ Как видим, в этих более древних источниках, частично относящихся к годам канонизации Петра и Февронии, никак не отразилось отождествление князя Петра повести и Давида Юрьевича летописи. Очевидно, сведения „Книги глаголемой“ о тождестве Петра и Давида взяты из текста повести.

Но может быть есть иные доказательства их тождества? Н. П. Травчетов, суммируя в своей обстоятельной статье⁴ все, что можно было бы сказать в защиту этого тождества, приводит, в конце концов, очень слабые доводы. Он, во-первых, обращает свое внимание на то, что по повести Петр жил сначала при брате и княжил после его смерти. „Прилагая эту подробность, — говорит он, — к первым правителям княжества (Муромского), мы встречаем нечто подобное в жизни трех князей: Святослава и Ростислава Ярославичей и Давида Юрьевича, которые также занимали муромский стол после своих старших братьев. Но первые двое не могут отождествляться с Петром: до занятия Муромы они жили не с братьями здесь же, а княжили отдельно в Рязани и потом управляли муромским княжеством очень недолго — всего по два года, тогда как Петр дожил здесь до старости; кроме того, в частности, Ростислав, потерявший Муром и вступивший затем в продолжительную и упорную борьбу с суздальскими князьями за свое рязанское княжение, является в истории типическим образцом таких князей, которые отмечены печатью жестокого, беспокойного характера, и потому едва ли мог быть признан святым. Остается, таким образом, предположить, что носителем имени Петра был не кто другой, как Давид Юрьевич, княживший после смерти своего брата Владимира. Такое предположение представляется тем более правильным, что личный характер Давида, насколько он известен из летописей, отличался такими чертами, которые нисколько не препятствуют причислить его к лику святых“.⁵ Довод этот, конечно, более чем сомнительный. Он предполагает прежде всего безупречность исторических свидетельств повести, т. е. то, что прежде всего надо доказать. Затем,

¹ См. ркп. Толст. I, № 100.

² Акты Археограф. Эксп. СПб., 1836, т. I, № 213, стр. 203.

³ „Русская Историческая Библиотека“, СПб., 1876, т. III, стр. 82.

⁴ Н. П. Травчетов. „Кого из муромских князей следует разуметь под именем «св. благоверного князя Петра, в иночестве Давида, муромского чудотворца?»“ Тр. Третьего обл. ист.-археол. съезда, бывшего в г. Владимире, Владимир, 1909.

⁵ Ук. соч., стр. 14.